

Pospíšil, Ivo

Резюме

In: Pospíšil, Ivo. *K teorii ruské literatury a jejím souvislostem*. Vyd. 1. Brno: Masarykova univerzita, 2013, pp. 265-267

ISBN 9788021062160

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128468>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Резюме

Предлагаемый текст основан на проделанном автором исследовании, посвященном литературной теории, истории вообще и теории истории русской литературы в особенности в более широком славянском контексте. Эта работа, будучи естественной составляющей славистики, исходит из современных попыток по-новому выстроить теорию и историю славянских литератур – попыток, которые предпринимает и сам автор как постоянный участник международных конференций и конгрессов. Русская литература – необычайный источник вдохновения с теоретической точки зрения в своем специфическом развитии от средневековья до современности, в своих деформациях внешних стимулов, приводящих в конечном счете к более высокой степени инновации (пре-пост парадокс/эффект), причем не только в художественной литературе, но и в других видах искусства. Данное исследование в виде комплекса исследований, взаимосвязанных в едином круге проблем, представляет имплицитные очертания концепции теории и истории русской литературы, наблюдаемые с позиции сравнительного и жанрового изучения на фоне некоторых других славянских и европейских литератур.

Современное состояние изучения проблем, связанных с темой или темами предлагаемого проекта, поистине находится на перекрестке между акцентированием специфических черт русской литературы с одной стороны и так называемыми «литературными влияниями», преимущественно западноевропейскими и американскими, – с другой. Автор учитывает концепции, подчеркивающие как славянский, так и неславянский характер русского литературного развития, утверждает его особые черты и, несмотря на «влияния», представляет его специфическую поэтологическую модель, основывающуюся на анализе жанров и жанровых систем (жанрология/генология) и их видоизменений, рассматриваемых с позиции компаративистики, а также с позиций теории, истории литературы и ареальных исследований.

Теоретической базой здесь является связь с концепциями литературной теории и истории, появляющимися в нескольких областях исследования, в разработке которых в прошлом принимал участие и автор. В данном случае делается попытка применить концепцию ареала, исходящую из пространственных факторов литературного развития, и из поэтологического понимания, согласно которому литературное развитие рассматривается как цепь изменений и постоянных возвращений, которые в особенности в русской литературе утверждают неизменную непрерывность, по характеру даже напоминающую палимпсест, а также эксперимент с литературными жанрами и постоянным напряжением между своим и чужим.

Данная работа имеет преимущественно славистский характер, опирающийся на компаративистику и генологию. Одновременно с этим теория литературы и литературное развитие здесь применяются к особым чертам русской и прочих славянских литератур и приводят к верификации пре-пост эффекта/парадокса – понятия, созданного автором данного исследования и использованного им для характеристики и более глубокого понимания внутренних процессов, протекающих в славянских литературах, которых объединяет схожее или похожее историческое развитие.

Особое внимание уделяется возникновению русской литературы, ее двойственной структуре, языку и поэтике, а также процессам европеизации. Кроме того, отдельно освещается роль Центральной Европы как геополитического, культурного и духовного пространства. Своеобразная часть данной работы сконцентрирована на русской и иной славянской рефлексии русской литературы: доминирующей предпосылкой является утверждение о том, что сами русские намеренно развивали идею об особенном пути русской культуры, русской духовности и т. п.

Следующая часть основывается на результатах предыдущего раздела: речь идет о проблеме конфронтации русских и европейских концептов литературной теории и истории. «Философия» русской литературы анализируется в последующих пассажах в смысле поиска новых парадигм развития в русской ситуации. Наряду с совокупностью проблем здесь появляется и новый предмет, а именно концептуализация русской литературной теории и истории в комплексном видении мировой литературы как таковой.

Одним из аспектов работы является формулировка отправной точки в комплексном международном изучении общих черт русской литературы, связанных с теорией как русской, так и других литератур, рассматриваемых с точки зрения международного поэтологического воздействия: здесь высказывается аргументированный ответ на вопрос о значении и важности русской литературы в мировом литературном развитии. Настоящий текст может быть также воспринят как подготовительное исследование для разработки сравнительной истории русской литературы и славянских литератур.

Все начинается с Достоевского. Достоевский оказывается тем более оригинальным, единственным в своем роде, уникальным, исключительным, чем глубже он погружен в традицию, то есть чем больше у него возможностей паразитировать на чужом материале, произрастать из него и смешивать его разные жанровые пласты. Любой оригинальный художник поначалу ведет себя как юный плагиатор, все принимая «от и до» (вспомним провокационное представление Толстого о слабом драматурге и, в сущности, плагиаторе – о Шекспире): проблема возникает там, где на базе такого «творческого паразитизма» он начинает создавать новое качество, трансцендируя при этом к иной качественной плоскости (Толстой ее, впрочем, у Шекспира не разглядел). Вспомним и то, как Н. В. Гоголь «воровал» сюжеты, приемы и персонажей у своих малороссийских/украинских коллег – вероятно, и у Фаддея Булгарина (сюжетные «дары» Пушкина известны). С этой позиции следует рассматривать и гипотетические виражи его развития, и его неожиданные переломы, как их отражал в своих противоречивых суждениях уже прозорливый В. Г. Белинский: натуральная школа присутствует здесь с самого начала, но является составляющей иных структур (*Бедные люди* связаны с ней поэтологически, но одновременно представляют собой и протест против нее), того самого коллажа, который был намеренно выстроен Достоевским как персифляж – а он вызывает, с одной стороны, восторг, но под конец – разочарование и возмущение. Контекстность Достоевского приводит к тому, что стирается его единичность, исключительность, но в то же время высвечивается все то новое, что он привнес. В литературе многое значит глубина языка, здесь – русская диглоссия и разные языковые слои, связанные с воскрешением жанров, что демонстрируют тексты Пушкина и последующие тексты, вплоть до современности. Особое положение некоторых знаковых текстов представлено на примере *Слова о полку Игореве* в интерпретации «чешского следа», принадлежащей Эдварду Кинану. Отсюда совершается переход

непосредственно к теории литературной истории и к внешнему взгляду на русскую литературу в *Словесности славян* Франка Волльмана.

Во втором разделе исследуется русская двойственность, а также пре-пост эффект русской и славянской литературной эволюции.

В третьем разделе рассматривается излучение русской литературы, которое так часто обнаруживается в других национальных литературах (К. Г. Маха, Ф. К. Свобода). Ключевая роль русской литературы демонстрируется в полемике Йиржи Поливки и в чешской рецепции Льва Толстого. Русское основание просматривается и в ряде сопоставляемых произведений современных чешской и словацкой литератур.

Настоящий текст представляет собой результат раздумий о парадигме развития русской литературы в более широких международных взаимосвязях: по отдельности они появлялись в разных исследованиях и монографиях. В данной трактовке была сделана попытка объединить теоретические размышления о теории литературной истории с ареальной и пространственной сферой и ситуационными и пилотными исследованиями. Это взгляд на русскую литературу изнутри и извне, на поглощение ею чужих, аллохтонных импульсов и использование ее в качестве претекста в других литературах. В то же время мы возвращаемся здесь к теории пре-пост эффекта (парадокса) как к якорю развития, на который словно поставлено все русское литературное развитие. Двойственное развитие русской литературы, которое было констатировано нами в предыдущих книгах, – прежде всего *Ruský román* (1998) и *Ruský román znovu navštívený* (2005), а также *Genologie a proměny literatury* (1998) и *Slavistika na křižovatce* (2003) – и наша теория пре-пост эффекта проливают новый свет, главным образом, на специфику направленности русской литературы, на ее сдвиги, а также на жанровую структуру русской литературы и ее жанровые системы, в особенности на роман. Собственное описание истории русской литературы в более широком контексте, которое могло бы вылиться в новую сравнительную историю славянских литератур, для которой создал подходящую стартовую платформу, в том числе, Франк Волльман в *Словесности славян* (1928), изданной на немецком языке (2003, изд.: Ibler – Pospíšil) и вновь на чешском языке (2012, изд.: Zelenka, Pospíšil), невозможно без теоретической рефлексии, так же как и без обращения к концепциям ареальной, компаративной, культурологической и генологической славистики нового времени.